

Григорий Куперштейн

Одесские ребята

Они посылают нам их евреев из Одессы, а мы посылаем им наших евреев из Одессы.

Исаак Стерн

Это был особый день. В одно воскресенье, 20 ноября 1955 года, три великих скрипача выступали в нью-йоркском Карнеги-холле: Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн. Все три начали учиться скрипке в Одессе, но пути их к Карнеги-холлу были совсем разными.

Почему русский провинциальный город стал тем местом, откуда вышло столько замечательных музыкантов? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обернемся в прошлое – на лет шестьдесят с того памятного ноябрьского дня.

Среди многих народов Российской империи жили и евреи. Почти все русские евреи должны были жить в черте оседлости, своего рода гигантском гетто в западной части империи. За редким исключением евреи не имели права жить в С.-Петербурге и Москве. Но они имели право жить в Одессе, которая в начале XX века была четвертым по величине городом России.

По словам Леопольда Ауэра, «Одесса один из красивейших городов Европы и напоминает скорее Геную, чем русские города, с которыми у нее нет ничего общего. Город расположен на берегу округлой бухты на Черном море, на террасе, которая находится высоко над «шестью гаванями» ее просторного порта, в котором стоят корабли под флагами всех стран. Сам город, находящийся

на высоте от 30 до 50 метров над уровнем моря, имеет широкие улицы, украшенные красивыми современными зданиями, и набережную с рядами густых деревьев, по которой весь город прогуливается и смотрит вниз на воду и вдаль на бесконечный горизонт Черного моря».

К началу XX века население Одессы составляло примерно 450 000 человек: русские, украинцы, французы, итальянцы, немцы, греки и примерно 150 000 евреев; в Одессе была крупнейшая еврейская община юга России. Одесса имела Музыкальное училище Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), где еврейские родители могли учить своих детей классической музыке. 80% учеников Одесского музыкального училища были евреи, а скрипка была самым популярным инструментом.

В России музыкальное образование зародилось поздно. До 60-х годов XIX века практически все профессиональные музыканты были иностранцами. Те немногие, которым хотелось сделать карьеру в музыке, ехали в Западную Европу; в Париж – как Венявский, русский подданный, или в Берлин – как Глинка.

Катализатором перемен стал великий русский пианист Антон Рубинштейн, который сам учился в Германии. В 1859 году он основал Русское музыкальное общество (позднее Императорское Русское музыкальное общество) в С.-Петербурге. Среди членов ИРМО была С.-Петербургская консерватория, которую Рубинштейн основал тремя годами позже. ИРМО имело отделения и училища в других крупных городах, включая Одессу. Учителями в этих училищах были лучшие выпускники русских консерваторий. Россия прошла через много перемен за последние 150 лет, но система музыкального образования, основанная Антоном Рубинштейном, сохранилась почти без изменений, что и определило успех столь многих русских музыкантов во всем мире.

Первым профессором Петербургской консерватории по классу скрипки был Генрик Венявский. В 1867 году Венявский ушел из консерватории. Год спустя 23-летний Леопольд Ауэр, ученик Я. Донта, Й. Хельмесбергера и Й. Иоахима, был приглашен на его место; он был профессором консерватории до 1917 года. Таким образом, Ауэр стоял у колыбели музыкального об-

разования в России. Но было бы ошибкой сделать вывод, что приезд Ауэра в С.-Петербург сделал Россию одним из европейских скрипичных центров. Э. Изаи учился в Париже, Ф. Крейслер – в Вене, Я. Кубелик – в Праге, а Ауэр в течение следующих 35 лет не вырастил даже одного великого скрипача. Но его студенты стали концертмейстерами и ведущими педагогами по всей Российской империи (до того как Яша Хейфец пришел в класс Ауэра, он занимался в Вильно с бывшим учеником Ауэра). Гениальному учителю нужны гениальные ученики; их нашли и научили многие выдающиеся педагоги, ученики Ауэра и других; они приготовили этих вундеркиндов для окончательной «шлифовки» у великого Ауэра.

Миша Эльман, самый старший из «Великолепной тройки» солистов Карнеги-холла, родился в 1891 году, и в шестилетнем возрасте начал заниматься на скрипке в одесском училище. Его учителем был Александр Фидельман, ученик Адольфа Бродского (между прочим, когда Ауэр отказался сыграть премьеру Скрипичного концерта П.И. Чайковского как «нескрипичного», Бродский его так сыграл, и именно ему Чайковский этот концерт и посвятил).

В течение последующих пяти лет юный Эльман шел гигантскими шагами. И вдруг папа Эльман сел с сыном на поезд и поехал в Елисаветград (нынешний Кировоград), где Ауэр давал концерт во время одного из своих многочисленных туров по России. Ауэр избегал слушать детей, но папа Эльман его уговорил. Вот как сам Ауэр описывает этот памятный день: «Мальчик, которому было примерно одиннадцать лет, очень маленький для своего возраста, с крошечными руками, сыграл концерт для меня. В сложных пассажах он прыгал в позиции, как акробат по лестнице. Когда он окончил концерт, я сразу же знал, какое решение я должен был принять. Я сел и написал рекомендацию директору консерватории великому Александру Глазунову с просьбой принять маленького Эльмана в мой класс и дать ему полную стипендию (учить бесплатно)».

Эльманы были очень бедны. Ауэр пишет: «Он (папа Эльман) сказал мне, что их финансовое положение очень плохое, что он должен был продать часть своей одежды, чтобы заплатить

за билеты из Одессы до Елисаветграда (несколько сотен километров). Он добавил, что он готов пойти на любые жертвы, если его сын будет принят в Петербургскую консерваторию».

Одесский учитель Эльмана был выдающимся педагогом (Фидельман также учил Тошу Зайделя, тоже одессита, и Наума Блиндера, в будущем учителя Исаака Стерна). Позднее Эльман замечал: «Люди говорят, что я первый великий ученик Ауэра, но я занимался с Ауэром менее двух лет. С точки зрения скрипичности, это Фидельман меня всему научил». Так почему же папа Эльман решил пожертвовать всем, бросить замечательного учителя и променять солнечную Одессу на холодный и негостеприимный Петербург?

Хотя евреям было запрещено селиться в большей части Российской империи, существовало несколько исключений из общего закона. Еврей с высшим образованием мог селиться где угодно. Чтобы получить консерваторский диплом и право бежать из гетто, молодой еврейский музыкант мог уехать за границу и там учиться (что для нищих Эльманов было финансово невозможно) или стать студентом одной из русских консерваторий. В начале XX века в России было только две консерватории, в Москве и Петербурге, и если говорить о скрипке, особого выбора для Эльманов не было. Ведь вдобавок к званию профессора С.-Петербургской консерватории Ауэр был солистом его императорского величества.

Как пишет Ауэр, «закон разрешал студентам любой национальности жить в столице, но это разрешение не распространялось на их родителей. Папа Эльман вел крайне ненадежное существование, в течение дня прячась в различных убежищах, только ему известных, а ночи проводил в грязной, жаркой и душной дворницкой того дома, где он арендовал маленькую комнатку для сына».

Как один из самых знаменитых и титулованных музыкантов Российской империи Ауэр имел феноменальные связи во всех уровнях власти С.-Петербурга. И он доказал силу своих связей в истории с Мишей Эльманом.

Ауэр продолжает: «Благодаря помощи одного высокопоставленного друга я добился аудиенции у министра внутренних дел

Плеве». Вначале Плеве и слушать не хотел. Но в конце концов министр согласился сделать исключение и принял прошение Ауэра о разрешении временной прописки для папы Эльмана, пока его сын остается консерваторским студентом. «Я думал, а не сожалел ли министр, что не мог он решиться приказать своим лакеям выбросить вон из своего кабинета меня, одного из солистов царя и профессора консерватории».

Престиж и связи Ауэра помогли ему в получении временных прописок для родителей многих его выдающихся учеников. Среди них были Ефрем Цимбалист, Тоша Зайдель и Яша Хейфец, чьего отца Ауэр зачислил в свой класс, чтобы он мог получить драгоценную прописку. Любым путем Ауэр набирал в свой класс лучших в мире учеников, а они, в свою очередь, получали лучшего в мире учителя. Как пишет Флеш, тоже выдающийся педагог: «Не надо забывать, что в русском гетто Ауэр имел самый лучший выбор учеников. В Берлинской высшей музыкальной школе, к примеру, из сорока абитуриентов примерно четверо были выше среднего уровня, в то время как в Петербурге пропорция была 90-95%. Более того, русские скрипичные студенты почти полностью концентрировались в Петербурге, а в Германии они разбросаны по крайней мере в полдюжине городов. В любом случае, в России чисто техническая подготовка скрипачей всегда была на очень высоком уровне».

Для учеников Ауэра его ценность не ограничивалась его педагогическим талантом. Ауэр учился у Донта в Вене, брал уроки у Алара в Париже, был учеником Иоахима в Ганновере. Он знал всех, кого стоило знать в музыкальном мире. Его рекомендация открывала двери для его студентов. В 1904 году Ауэр организовал Эльману дебют в Берлине. Феноменальный успех в Берлине продолжился по всей Европе. В 1908 году Миша Эльман сделал свой памятный нью-йоркский дебют в Карнеги-холле с концертом Чайковского. Папа Эльман сделал правильный выбор...

В отличие от Эльмана, Натан Мильштейн родился в зажиточной одесской семье в 1903 году. Он был драчуном. Чтобы его приструнить, родители решили учить его на скрипке. Они привели его к Петру Соломоновичу Столярскому.

У Ауэра и Столярского, кроме того, что оба были еврейскими скрипичными учителями, ничего общего не было. Ауэр был международной знаменитостью, он играл «Крейцерову сонату» с Брамсом, а Столярский играл в конце группы вторых скрипок в Одесском оперном театре. Ауэр был знаменитый профессор консерватории, а Столярский ни в какой консерватории и дня не учился. Ауэр учил только продвинутых учеников, а Столярский (который не мог без консерваторского диплома преподавать даже в училище) открыл свою частную школу на дому и начал учить начинающих.

В течение примерно пяти лет Мильштейн брал уроки у Столярского. Впоследствии Мильштейн говорил, что он не был высокого мнения ни о Столярском, ни о его методе (он, правда, и об Ауэре скептически отзывался). Но Столярский уже тогда понимал, кто такой Мильштейн. В отличие от Фидельмана, Столярский сам решил отдать своего лучшего ученика Ауэру. Когда тот в очередной раз посетил Одессу с концертами, Столярский поговорил с ним о Мильштейне, и Ауэр согласился послушать мальчика. Ауэру ребенок понравился, и он пригласил юного Натана в свой класс. Когда Мильштейн впервые играл в классе Ауэра в Петербургской консерватории, тот обратился к своим ученикам: «Ну, как вам нравится эта черноморская техника?». Мать Мильштейна волновалась, что у нее будут проблемы с пропиской. Солист его императорского величества опять не подвел. Ауэр позвонил Глазунову, директору консерватории, секретарь Глазунова позвонил заместителю министра внутренних дел – и дело было сделано.

Мильштейн был в классе Ауэра два года. Затем царь отрекся от престола; Ауэр покинул Россию и никогда уже не вернулся. Мильштейн остался в России, но при первой возможности, на Рождество 1925 года, покинул Советский Союз, чтобы тоже никогда уже больше туда не возвращаться. После очень успешной карьеры в Европе Мильштейн осуществил свой знаменитый дебют с оркестром Нью-йоркской филармонии в 1930 году.

Самым младшим из трех одесситов был Давид Ойстрах, который родился в Одессе в 1908 году. Столярский был его единственным учителем. В отличие от Эльмана и Мильштейна, Ойстраху

пришлось принимать участие в международных конкурсах, чтобы завоевать право на сольную карьеру.

Для советских вождей успех их музыкантов за границей был совсем не дорогой возможностью продемонстрировать превосходство социализма. Королева Бельгии Елизавета в 1937 году организовала Международный скрипичный конкурс имени Изайи, который выиграл Давид Ойстрах, а еще четверо других советских конкурсантов тоже были в числе призеров. По словам Мильштейна, «после этого Елизавета была в таком восторге от советских скрипачей, что она постепенно пришла к заключению, что коммунизм должен быть не так уж плох, если там готовят таких музыкантов».

Вначале дебют Ойстраха в Нью-Йорке намечался на осень 1939 года. Уже были куплены билеты на дорогу, но начало второй мировой войны сорвало все планы. Затем была холодная война. После смерти Сталина в 1953 году условия улучшились. Переговоры о культурном обмене между СССР и США возобновились, и были подписаны соответствующие соглашения; лучшие артисты с обеих сторон должны были принять участие в концертах. Но тут возникло новое препятствие. Согласно иммиграционному закону 1952 года, советские граждане, прибывающие с визитом в США, должны были сдать отпечатки пальцев. Советская сторона была этим сильно возмущена.

Йегуди Менухин вспоминает: «Одним летним днем 1955 года я пригласил Ойстраха на ужин в «Клариджес» (роскошный ресторан) в Лондоне. Ойстрах советовал мне вернуться с концертами в Москву. Я ответил, что ничто мне не принесет большего удовольствия. А между прочим, не пора ли и ему навестить мою Родину? «Америка!» – воскликнул Ойстрах. Это полностью исключено: ему никогда не позволят сойти на американскую землю. Хотя Сталин умер, а маккартистская истерия была на исходе, но холодная война еще продолжалась. Все-таки я чувствовал, что «оттепель» началась, и было уже достаточно трещин во льду. Я предложил ему пари на фунт или два стерлингов, что США пригласят его играть. Возможно, это и не соответствовало лучшим спортивным традициям, но дело было важнее чести игрока; в тот же вечер я послал две телеграммы по поводу приглашения для

Ойстраха. Одна пошла в Государственный департамент с просьбой в виде исключения отменить для Ойстраха процедуру сдачи отпечатков пальцев. (Русские, как я узнал, связывали такую процедуру с уголовниками.) Конечно, нельзя было исключить, что какие-то скрипачи действительно могли быть связаны с уголовными элементами, но я заверил Госдепартамент, что лично гарантирую репутацию Ойстраха. Вторая телеграмма была послана Курту Вайнхольду в Коламбия Консертс, предлагая ему организовать тур на тех же условиях, что и у меня. Последнее условие было деликатным: ясно, что гонорары Давида должны были быть не ниже моих, но должны ли они быть выше? В течение 24 часов я получил положительные ответы на обе просьбы и с гордостью зашел к Давиду получить мой выигрыш нашего пари».

Советские артисты получили визы без процедуры отпечатков пальцев, и Ойстрах был первым советским артистом, запланированным на гастроли в США осенью 1955 года. Но опять произошла задержка.

Традиционно более престижно для дебюта исполнять сольный концерт с симфоническим оркестром. Так и было запланировано для американского дебюта Ойстраха; 13 ноября он должен был солировать в Карнеги-холле с Лондонским филармоническим оркестром под управлением Герберта фон Караяна. К сожалению, Ойстрах в Лондоне заболел, и его выступление в Карнеги-холле с Лондонской филармонией пришлось отменить. Согласно «Нью-Йорк Таймс», «отмена его концерта сказалась на числе проданных билетов; 250 билетов остались не проданы. Ранее все билеты были проданы». Таким образом, официальным нью-йоркским дебютом Ойстраха стал его сольный концерт 20 ноября 1955 года. Рецензия в «Нью-Йорк Таймс» отмечала: «На протяжении длительного времени публика предвкушала появление господина Ойстраха здесь. Она атаковала Карнеги-холл, чтобы купить билеты на его сольный концерт, заполнила зал до отказа и просочилась на сцену».

Существует легенда, которую даже Игорь Ойстрах повторяет, и мы ее приводим здесь по мемуарам Вальтера Легге, знаменитого английского продюсера звукозаписей. «В этот день, днем, Миша Эльман играл сольный концерт, который включал сонату

Тартини «Дьявольские трели». В пять тридцать дня программа Ойстраха включала то же самое произведение, а в восемь тридцать вечера того же дня Мильштейн играл «Дьявольские трели». Давид был готов изменить программу, но мы убедили его не делать этого. Пусть другие пьют то лекарство, которое они сами себе приготовили».

Фактически Миша Эльман не мог исполнять «Дьявольские трели»; в этот день он играл концерт Мендельсона с Нью-йоркской филармонией под управлением Пьера Монте. Но оба – Ойстрах и Мильштейн – включили Тартини в свои программы.

Вальтер Легге продолжает: «Когда мы прибыли в Карнеги-холл за четверть часа до начала концерта, Эльман приветствовал Давида с преувеличенной радостью. Во время перерыва я пошел в артистическую, где и увидел Эльмана, поздравляющего Давида. Когда мы оказались на таком расстоянии, что Давид нас уже не мог услышать, Эльман, знаменитый своей ревностью ко всем своим коллегам, сказал: «Ну, если это Ойстрах, то даже Хейфец лучше играет!». Не так уж легко в девяти словах очернить двух значительно лучших коллег... Техника Ойстраха была безгранична, но он использовал ее только в музыкальных целях. Его первый «бис» в нью-йоркском дебюте был «Листок из альбома» Вагнера, медленная пьеса, требующая лишь благороднейшего легато и самого искреннего музыкального чувства. Когда он окончил, я посмотрел в соседнюю ложу, где сидел Исаак Стерн. Я увидел, что его глаза, как и мои, и как, без сомнения, сотен других слушателей в зале, были полны слез».

Хотя Легге создает впечатление враждебности между одеситами, реальность была совсем другой. Вот как Мильштейн рассказывает о том дне: «Это была сенсация! Ойстрах впоследствии вспоминал, как он волновался и дрожал. Я не дрожал, но у меня вдруг так заболели ноги, что Ойстраху пришлось помочь мне выйти на сцену. Он меня туда буквально вытолкнул. Не мне судить, кто выиграл это необычное соревнование. Я постарался представить интересную программу, и рецензенты это отметили».

На следующий день все три скрипача имели причину праздновать. «Нью-Йорк Таймс» написала о концерте Эльмана:

«Концерт Мендельсона во вчерашней программе был музыкой весенней свежести и простоты. Особенно в первых двух частях скрипка господина Эльмана сладостно пела, а чистота звука околдовывала. Но его игра имела гораздо больше, чем чувственную привлекательность. Он проник в простую лирическую сердцевину этой музыки до такой степени, которая редка даже среди великих скрипачей».

Рецензия «Нью-Йорк Таймс» на концерт Ойстраха сообщила, что «уже много лет слава господина Ойстраха предшествовала его личному приезду. Его записи подготовили нас к скрипачу с огромным сочным звуком, потрясающей интенсивностью и мощью. То, что мы слышали вчера, было иным и лучшим. Звук господина Ойстраха не был подавляющим, но в нем были утонченность, деликатность и теплота, которые были очаровательны».

О сольном концерте Мильштейна «Нью-Йорк Таймс» написала: «Вчера вечером Натан Мильштейн заключил великий день скрипичной игры в Карнеги-холле. Среди 2 300 слушателей, которые собрались послушать его, в зале были два его предшественника, Миша Эльман и Давид Ойстрах. Это не полный список скрипичных знаменитостей, присутствовавших на концерте. Также на концерте были Исаак Стерн, один из его младших современников, и 80-летний Фриц Крейслер, один из великих скрипачей предыдущего поколения. То, что они слышали, было превосходным исполнением четырех популярных произведений скрипичного репертуара (соната «Дьявольские трели» Тартини, Первый концерт Бруха, Сольная партита Баха в ре мажоре и соната Брамса в ля мажоре). Они были сыграны с глубокой музыкальностью, поэтическим чувством и с удивительной красотой исполнения; эти хорошо знакомые произведения звучали так свежо и сердечно, как будто слышались впервые».

На следующий день, согласно Вальтеру Легге, «Ойстрах пообещал наедине с Эльманом в его квартире, неохотно, так как боялся, что хозяин начнет говорить о политике, теме, которую Давид всегда избегал. Ойстрах заметил, что Эльман, наверно, был счастлив жить в стране, такой богатой на великих коллег. «Хейфец, Менухин, Стерн, Мильштейн, Франческати...» Эльман перебил

его: «Если ты зовешь их моими коллегами, ты не слышал, как играю я», – достал свою скрипку и на час дал Ойстраху сольный концерт без аккомпанемента. Ойстрах рассказывал об этом эпизоде без тени неудовольствия. Он был лучшим из коллег, щедрым на похвалу».

«Когда Ойстрах прибыл в Нью-Йорк впервые в 1955 году, он мне позвонил, – вспоминал Мильштейн. – Я пригласил его на ужин, и мы вспоминали старую Одессу. Ойстрах напомнил мне, что мы выступали вместе в Одессе свыше сорока лет тому назад, весной 1914 года. Он открывал студенческий концерт, а я стоял последним в программе как выпускник школы нашего профессора Столярского».

Что за день это был...

